

МІСТО ЯК ЕКЗИСТЕНЦІАЛЬНИЙ ФЕНОМЕН ТА СОЦІОКУЛЬТУРНИЙ ОРГАНІЗМ ЦИВІЛІЗАЦІЇ

Жозе Вериссимо Тейшейра да Мата, доцент,
советник нижней палаты Бразильского парламента,
Университет Кампинаса, Сан-Паулу, Бразилия

ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ГОРОДЕ

Русский философ Бердяев, эмигрировавший после Октябрьской революции, настаивал на различии между цивилизацией и культурой, выдвигая на первый план независимость, существующую между этими двумя понятиями. Он отмечал, что за самыми бурными и смутными периодами истории человечества следовал культурный всплеск. В поддержку этой теории он приводит пример Германии XVIII и XIX веков, которая подарила нам Лессинга и Гердера, Гёте и Шиллера, Канта и Фихте, Гегеля и Шеллинга, Шлейермахера и Шопенгауэра.

Бердяев говорит без обиняков, что Германия произвела эту блестящую плеяду в условиях бедной, мещанской, сдавленной жизни [1]. Ослабленное и разрозненное немецкое государство находилось в плачевном состоянии, но никогда не наблюдалось такой концентрации жизненных сил и такого уровня культурного процветания, как в этот критический для истории немецкого народа момент.

Мы могли бы ответить Бердяеву, что нынешнее плачевное состояние не обязательно отражается на нашей культуре, так как, слава Богу, у нас она имеется в избытке. Однако в наши дни стоит более сложная задача: поддержание массовой культуры на достойном уровне, при котором культурные ценности будут доступны всему населению. Из этого видно, как много ещё нужно сделать. Необходимо придать большую глубину нашим культурным проектам, укрепляющим самосознание и чувство истории. Это также является одной из форм борьбы с преступностью: отсутствие органических культурных образцов может спровоцировать рост числа коллективных неврозов, которые и так неизбежно возникают в обществе. Эти неврозы, о которых упоминает Арган [2], впоследствии могут выражаться в актах отказа от исторической цивилизации, таких как мелкое хулиганство, организованная преступность и далее вплоть до терроризма. В некотором смысле терроризм и бандитизм выражают нехватку культуры, замену исторически сформированных ценностей разнообразностью антиистории, которая отражает потребительские стандарты общества. Уничтожение World Trade Center в Нью-Йорке является по своей концепции и способу претворения в жизнь голливудским шоу, то есть отражает одну из сторон потребительства американского общества, побочным продуктом которого являются его исполнители – арабские фундаменталисты или представители американского правого крыла. Даже фундаментальные религии подверглись универсализации Атопии любой ценой [3].

Капитал – это leveller [4] в его наиболее развитой форме, имеющий характер сложной финансово-промышленно-военной империи, порождающей и делающей универсальным, при помощи огня и меча, свой мир, свои условия и свои решения. Именно поэтому мы видим, как Атопия проникает в религиозные утопии, которые иногда кажутся нам далёкими и экзотическими. Тогда эти последние, реагируя, начинают требовать присутствия самых отчаянных и сложных элементов для придания смысла своему предназначению.

Средства теле- и радиовещания также вносят свой вклад в пропаганду насилия, не только когда банализируют его, но и когда создают людей культурно оторванных, неспособных осознать смысл того места, в котором они живут. И здесь мы уже не говорим в узко политическом аспекте, как в случае с бразильскими СМИ, которые соответствуют интересам мегаполиса, а затрагиваем только то, что касается бандитизма: порождение культуры не является нейтральным. Создание людей, оторванных от культуры, провоцирует бунт невежества и такого важного явления в нашем обществе, как масштабное распространение преступности. Таким образом, средства теле- и радиовещания несут свою долю ответственности за рост преступности в нашей стране, особенно в средних слоях общества, все больше подверженных этому бедствию, как это следует из личных характеристик тюремных заключённых в последние годы. Помимо разделяющего процесса, типичного для вышеупомянутого leveller, рост преступности в этих слоях населения происходит из-за отсутствия культуры, способствующей укреплению тесных связей с действительностью и общественной жизнью. Хотя отсутствие этой культуры имеет свой статус, было бы наивным с нашей стороны отделять его от действия универсальных leveller в деле создания условий для самооценки.

Мы могли бы обратиться к теме музыки, а также к влиянию, оказываемому разными видами музыки, однако остановимся немного на вопросах градостроительства, архитектуры и преступности.

Давайте рассмотрим исторический центр города с помощью примеров. Это – школа ценностей, ценностей, выраженных в труде, времени, красоте и истории. Человек, который научился понимать его значение и ценностный смысл, может противостоять сиюминутному потребительству: он понимает цель и смысл труда, значение человеческих усилий, направленных на что-то, что не рассеивается моментально. Эти пространства передают характеристику города, его лицо и лицо его жителей. Хорошо сохранённый исторический центр города вызывает в его жителе ощущение вечности находящихся в нем ценностей, артикуляции труда и техники, которая их объединяет.

Как в культурном, так и в преступном мире имеются свои ценности, безусловно, совершенно различные, так как человек идёт на преступление в значительной мере потому, что не научился ценить то, что действительно того стоит, а также для получения лёгкой добычи и сиюминутных эмоций.

Оживить город, его культурную функцию в качестве города, значит бороться с преступностью. И значит предложить какой-либо противовес природе потребительского общества, которое для многих являет собой всего лишь дух

потребительского общества, так как они, собственно, почти ничего не потребляют. Естественно, оживление культурного центра должно быть глубоким, связывать все его слои, иначе мы получим только реставрированный фасад (здесь буквально), а это значит всего лишь попытку спасти мир от видимости, в которой все позволительно, в которой деньги являются единственной и высшей ценностью.

С нашей точки зрения, это восстановление должно быть сделано путём разработки понятия, идеи города. Речь идёт о переделке центра города. Естественно, центр города существует только там, где есть город, который нельзя перепутать с негородом, отсюда следует необходимость проведения градостроительной политики, которая уничтожит фавелы и перепланирует городское пространство. Материалы для строительства жилья и городов должны производиться в массовом масштабе и быть основой прибыли строительного сектора.

Как сказал Argan, «плохое градостроительство и плохая архитектура в наше время – результат того, что строители работают не для того, чтобы получить прибыль от строительства (как это должно было бы быть), а для спекуляции земельными участками, что является вполне типичным для приватизирующей экономики, которая приводит к производству эстетически не продуманной архитектуры» [5]. Богатство земли, земельного участка были гарантом выживания и в прежних экономических формациях.

Без градостроительства, когда архитектура не демонстрирует никакого эстетического замысла, город не может предложить ничего, кроме пустоты. В таком случае глубинная структура города, а не только его сверкающая сторона, кажутся настолько лишёнными какой бы то ни было ауры, что, прогуливаясь от одного здания к другому, мы совершенно ничего не испытываем. Верно то, что в них живут люди, и это всегда будет иметь значение. Однако все кажется мёртвым, всего лишь предметом для спекуляции с недвижимостью, без всплеска настоящего независимого замысла.

Это происходит потому, что культурный проект в Бразилии должен начинаться с переурбанизации. Урбанизм, как нам продемонстрировали греки в эпоху античности, является культурой. Уничтожение фавел – это культура, это основа урбанизма. В плане культуры информации этот проект должен выделить функцию норм коллективной национальной памяти, норм нашего самосознания. Нужно стимулировать нематериальные элементы культуры. Мы имеем в виду игру слов, танцы, ритм, музыку, культуру, которая рождается, в том числе, и в фавелах. Исторические постройки должны быть преобразованы, а ритуалы и музыка, там исполненная, возрождены не для того, чтобы заново пережить прошлое, а чтобы стать живым свидетельством времени, нашей истории и нашей культуры.

Должны быть восстановлены старые и построены новые театры. Наличие театров и театральных трупп, как живых элементов города, необходимых для возрождения его культурной основы, может позволить повысить качество теле- и радиовещания и даже понимания кинематографа.

Огромную ценность являют собой классики: нам необходим наш Гомер, то есть культурная база, основанная на всеми читаемых классиках. Для вступительных экзаменов нужно составить список литературы и не устраивать эту лотерею из различных наименований книг, которую мы сегодня наблюдаем. Это позволило бы в будущем поддержать диалог между поколениями. Верные идеалу, выраженному термином *kalakagatha* [6], мы должны строить спортивные комплексы для всех и стимулировать спорт.

Мы хотели бы закончить эту мысль, процитировав слова из самбы Бататинья, который, несмотря на все трудности, создавал свои песни, из которых видно, насколько искусство и культура важны для нашего самосознания. Эту песню Бататинья назвал «Министр самбы». В ней он оригинальным образом обращается к теме коллективной памяти. Мы не говорим о ритме самбы, способной объединить различные поколения и поэтому являющейся немаловажным компонентом национальной памяти, так как дополняет мимезис, объединяющий жизнь обездоленных людей этой страны. Вот что написал Бататинья в песне, о которой идёт речь:

Eu não tenho violão
Faço samba na mão
Juro por Deus que não minto
Quero na minha mensagem
Prestar homenagem
E dizer tudo que sinto
Salve o Paulinho da Viola
Salve a turma da sua escola
Salve o samba [7].

Эти приветствия, озвученные Бататинья, увеличивают пространство памяти и затрагивают как скрытую, или бессознательную, память, выявленную при помощи определенных показателей, так и явную, или сознательную, память, при которой действительность выражается как она есть. И дальше продолжает замечательный поэт, каким был Оскар Пенья:

Salve o samba em tempo de inspiração
O samba bem merecia Ter ministério algum dia [8].

Этими словами он подчёркивает значение самбы для национальной культуры и, далее, заканчивает:

O samba bem merecia
Ter ministério algum dia
Então seria ministro
Paulo César Batista Faria [9].

Неужели Пауло Сезар Фария [10] упоминает президента Коллора? – могли бы подумать слушатели. В этом случае работа памяти и первоначальный восторг были бы прерваны удивлением и сарказмом, и начальное расширение пространства памяти было бы заменено целым набором образов, относящихся к эпохе Фернандо Коллора. На самом деле, по тонкой иронии Бататинья, Пауло Сезар Батиста Фария или Паулиньо да Виола, являющийся гордостью самбы,

должен был бы взять назад своё настоящее имя, для того чтобы стать министром. Наконец в своем приветствии Бататинья, не испытывая иллюзий, говорит, что министр – это министр, а Паулиньо да Виола – это самба, и его нельзя перепутать с фигурой какого-нибудь политического деятеля. Остается сила самбы, её независимость как культурной практики, которую не может присвоить ни государство, ни его чиновники. Перед нами поэтическое произведение, которое отражает социальное состояние наиболее бедных слоев населения Бразилии. И это поэтическое произведение, эта песня Бататинья имеет все признаки универсальности, так же, как и «Илиада», объединяющая в себе ценности древней греческой аристократии, согласно учению Вернера Йегера в его монументальном произведении «Пайдейя: Формирование греческой мысли» [11].

Существуют огромные запасы духовности в пространстве наших «негородов», пребывающие в ожидании вторичного основания города в нас и в мире. Город ждет нас где-нибудь, как наша судьба. Разбудить и воссоздать его – вот наша задача.

* Перевод с португальского Анастасии Быценко.

Примечания

[1] «Воля жизни и воля к культуре», текст на португальском, не издано.

[2] ARGAN, Giulio Carlo. História da arte como história da cidade. São Paulo: Martins Fontes, 2014, p. 87.

[3] «Любой ценой» здесь означает: сбрасывание бомб на гражданское население, разрушение городов, даже таких исторически важных, как Белград или Багдад.

[4] «Уравнитель»

[5] ARGAN, Giulio Carlo. História da arte como história da cidade (op. cit), p. 88.

[6] Красивые и хорошие вещи.

[7] «У меня нет гитары,
Пишу самбу от руки,
Клянусь Богом, что не лгу,
Хочу в моем послании
Поздравить
И передать все, что чувствую,
Браво, Паулиньо да Виола,
Браво, ребята из школы,
Браво, самба»

[8] «Браво, самба, в момент вдохновения
Самба заслуживает иметь
Своё собственное министерство»

[9] «Самба заслуживает иметь
Своё собственное министерство,
В котором будет министром Пауло Сезар Батиста Фария»

[10] Этот однофамилец Пауло Сезара Фария не имеет никакого отношения к поэзии и славе самбы. Речь идет о бывшем казначее предвыборной кампании бывшего президента Коллора, снятого со своего поста Бразильским конгрессом. Как бывший казначей, так и бывший президент Коллор, снятый в процессе импичмента, были обвинены в крупномасштабной коррупции.

[11] JAEGER, Werner. Paidéia. São Paulo, Martins Fontes, 1989, p. 58.

Безпалова А. С., студентка Навчально-наукового інституту економіки і менеджменту,
Радіонова О. М., кандидат економічних наук, доцент,
Харківський національний університет міського господарства імені О. М. Бекетова, Україна

РОЗВИТОК ІНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМУ

Інклюзивний туризм буквально відкриває цілий новий світ, охоплюючи всю спільноту туристів, незалежно від їх можливостей та здібностей. Інклюзивний туризм – це зменшення невизначеності щодо того, чого очікувати від місця призначення або послуги. Йдеться про створення середовища, в якому всі люди відчувають себе бажаними і залученими. Це дає можливість вибору і вселяє впевненість у всіх людей, даючи їм можливість підписатися на нові враження.

Актуальність розвитку інклюзивного туризму визначається декількома причинами: по-перше, орієнтованістю сучасного цивілізаційного розвитку на інклюзивність як головний тренд; по-друге, значним про шарком людей, що мають фізичні обмеження та потребують додаткової турботи під час подорожей. Близько 15 % населення у світі має будь-які форми інвалідності [1]. Як свідчать дані Eurostat, чверть населення ЄС (25,3 %) у віці від 16 років складають люди з обмеженими можливостями. Крім того, число осіб з обмеженими можливостями більше серед жителів ЄС з низькими доходами – майже третина (31,2 %), тоді як ця цифра зменшується серед багатого населення Євросоюзу (17 %) [2]. Генеральною Асамблеєю ООН 13-го грудня 2006 року була прийнята Конвенція ООН про права інвалідів (резолюція A/RES/61/106), яка є міжнародним договором в області прав людини. Конвенція набула чинності 3 травня 2008 року після її ратифікації двадцятьма державами-учасниками [3]. На сьогодні понад 150 країн і організацій регіональної інтеграції підписали Конвенцію, з них понад 130 її ратифікували. Зокрема, Україна приєдналася до Конвенції ООН про права інвалідів 4 лютого 2010 року.

Доступний туризм полягає не лише у забезпеченні зручностей для людей з обмеженими фізичними можливостями. Літні мандрівники, батьки, які подорожують з маленькими дітьми, туристи з алергією та іншими захворюваннями – це всі різні типи туристів, які мають різний ступінь обмеження доступності та вимоги до мобільності. Велика частина мандрівників з обмеженими можливостями мають «невидимі» порушення (такі як когнітивні